

Н.В. Пятаева

ПОНЯТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГНЕЗДА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (К ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ)

Опыт работы в преподавании курсов лексикологии, словообразования и морфологии современного русского языка в вузе, русского языка в общеобразовательной школе и введения в языковую культуру в гуманитарной школе на базе филологического факультета педагогического института показывает, что представление словарного состава языка в виде системы лексических гнезд является наиболее эффективным средством формирования у студентов и учеников системных представлений о языке, способствует расширению словарного запаса, повышению уровня языковой компетенции, привитию навыков семантического и словообразовательного анализа как отдельного слова, так и группы однокоренных слов, способствует развитию интереса к изучению теории и истории языка. Однако ни вузовские, ни школьные учебники не содержат необходимых сведений об особенностях группировки лексики по лексическим гнездам и типах лексических гнезд. В связи с этим в статье представлены теоретическое обоснование и критерии выделения лексического гнезда как комплексной единицы лексико-семантического уровня языка, дается классификация лексических гнезд с учетом динамики исторического развития языковой системы. В качестве приложения помещен комплекс упражнений и заданий для школьников на повторение и обобщение полученных знаний по лексикологии, словообразованию и орфографии на основе работы со словообразовательными гнездами слов.

1. Принципы синхронного и диахронического изучения лексической системы языка

Определение лексики любого языка как системы, то есть как упорядоченного и целостного единства, означает, что нет и не может быть таких изменений в ней, которые произошли бы помимо системы и которые так или иначе не затронули бы общей системной организации словарного состава языка. Лексическая система конкретного языка может изучаться **в синхронном аспекте** с целью описания ее применительно к какому-либо опреде-

ленному периоду исторического развития и **в диахроническом аспекте** — с целью воссоздания процесса развития этой системы от древнейших эпох до современного состояния.

В лингвистической литературе особое место отводится обсуждению проблем, связанных с определением понятий синхронии и диахронии, а также с разграничением областей и задач синхронных и диахронических исследований. Со времени разработки сравнительно-исторического метода (середина XIX в.) диахронический аспект языка считался главным, а синхронный — подчиненным историческому, второстепенным, поэтому современный язык рассматривался лишь как один из этапов истории. И в наши дни этот вопрос остается дискуссионным.

Глубокое реалистическое описание соотношения синхронического и диахронического аспектов в изучении языковой системы принадлежит О.Н. Трубачеву: «Практически с самого момента провозглашения примата синхронии над диахронией наметилась и антитеза между исчезающе малым объемом понятия синхронии и всеобъемлющим характером диахронии. Строгий принцип единого среза, одномоментности в синхронии никогда не выдерживался и не может быть выдержан, чем объясняется вынужденная необходимость условно принимать за синхронное состояние отрезок времени некоторой протяженности, с чем неизбежно связано упрощение действительности. Все словари — исторические в той или иной мере <...>, абсолютно только понятие исторического словаря. Равным образом углубленное понимание современного значения слова есть тем самым его реконструкция. Какие-то стороны значения слова активны, какие-то, наоборот, пассивны, латентны, приглушены, но они есть и могут проявляться при употреблении слова. Связь активных и латентных сторон значения несомненна, концепция целостности значения слова едва ли подлежит спору, описание одних сторон и игнорирование других — едва ли лучший способ познания, и в этом элементарно намечается **взаимодействие синхронии и диахронии** в исследовании значений слов» [Трубачев 1980: 3-5].

Основные принципы системного историко-лексикологического исследования были сформулированы В.В. Виноградовым [Виноградов 1977]. Они сводятся к следующему:

1. история значений слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантической системы данного языка;

Наталья Вячеславовна Пятаева — работает над докторской диссертацией по теме «Генетическая парадигма “дать — брать — взять — иметь — нести” в истории русского языка» при кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета.

2. историко-лексикологическое изучение слова должно раскрывать последовательность и ход изменений значений слова и разъяснять те реальные исторические условия, в которых проходили эти изменения;

3. «симптомом тождества» слова признается непрерывность его историко-семантического развития;

4. под непрерывностью исторического существования слова понимается как активное употребление слова в разных последовательно менявшихся системах языка, так и пребывание его в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре.

С нашей точки зрения, главное внимание лексиколога-исследователя должно быть направлено на значение как целое, а в диахронии — на постепенность изменения всего значения слова в составе той микроструктуры, которой оно изначально принадлежит и вместе с которой развивается, подчиняясь общим закономерностям функционирования языка.

Номинативный компонент языка включает как **словарный**, так и **словообразовательный субкомпоненты**, так как слова входят в сложные сети отношений, где они связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. Таким образом, дуализм словообразования связан с двоякой содержательной природой слова как единицы лексической системы и как единицы грамматического строя языка. Словообразование порождает новые слова и как лексические, и как грамматические единицы.

Словообразование, как и лексика, может быть объектом диахронического и синхронического изучения. В первом случае словообразование изучается как один из путей обогащения словарного состава при исследовании развития словообразовательных средств языка. Во втором случае словообразование рассматривается как основа для структурно-семантической классификации лексических единиц соответствующего языка в данный период его развития с учетом словообразовательной структуры слов, специфики его словообразовательных средств как определенной системы, продуктивности // непродуктивности тех или иных словообразовательных моделей, что в какой-то мере сближает синхронический и диахронический аспекты рассмотрения, но отнюдь не исключает необходимости их разграничения.

В последнее время в лингвистике все чаще встает вопрос о необходимости более тщательного исторического изучения словообразовательной системы языка. Перспективность его определяется тем, что словообразование является своего рода диахронией в синхронии

на всех этапах развития языка. Рождение слова — исторический процесс, так как слово обычно создается по готовому образцу, по большей части унаследованному от предшествующей языковой эпохи.

С этих же позиций О.Н. Трубачев [Трубачев 1976] выдвигает тезис о тесной связи лексической семантики со словообразованием, которое исторично в своей сущности и поэтому принадлежит к той же области, что и этимология.

2. Лексическое гнездо как объект синхронного рассмотрения лексической системы. Словообразовательное гнездо

Одним из способов группировки лексики с учетом семантики и словообразовательных связей является **лексическое гнездо (ЛГ)** — общность однокоренных слов, в составе которой слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. При гнездовании слов, включающем операции определения синхронных границ гнезда и установления состава однокоренных слов, возникает необходимость в разграничении синхронического и диахронического подходов к словообразованию.

В синхронном плане ЛГ представляет собой совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации, т.е. является, по существу, **гнездом словообразовательным (СГ)**. Расширению и углублению теории СГ способствовали наблюдения над их закономерностями в практике составления словообразовательных и морфемных словарей [Тихонов 1985, 1996 а), 1996 б); Тихоновы 1995; Кузнецова, Ефремова 1986; RDD 1970], которые, в свою очередь, стимулировали описание конкретных СГ.

В современной дериватологии существует несколько определений СГ, в которых акцентируются разные признаки гнезд и отражается различное понимание структуры СГ. Рассмотрим некоторые из них.

Е.Л. Гинзбург определяет СГ как «упорядоченную совокупность отношений между однокоренными словами» [Гинзбург 1973: 146]. Е.С. Кубрякова и П.А. Соболева [Кубрякова, Соболева 1979: 10-20], разграничивая актуальные для современного состояния лингвистики понятия морфологической и словообразовательной парадигм, предлагают несколько дефиниций, сущность которых сводится к следующему: СГ — такая схема представления процесса или результата процесса образования вторичных единиц неравной сложности, в которой фиксируется принадлежность производных к определенной части речи и степень удаленности каждого из производных от вершины гнезда.

Русская грамматика — 82 определяет СГ как «... совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово» [РГ 1982: 134].

Обобщая, можно указать следующие важные **признаки СГ**:

1. в каждом СГ обязательно присутствует единица, с которой остальные соотносятся в качестве производных — именно она является вершиной гнезда;

2. СГ имеет упорядоченный иерархический характер в своих словообразовательных цепочках и парадигмах, обладает строго определенной структурой, каждый элемент (слово) которой занимает в гнезде предусмотренное системой языка и закрепленное нормой место;

3. в простейших гнездах, кроме исходного слова, только одно производное, но чаще СГ представляет собой сложное структурное образование, состоящее из большого числа производных;

4. границы СГ подвижны: оно может пополняться за счет новых образований, и вместе с тем многие слова, перемещаясь из центра гнезда на его периферию, часто совсем утрачиваются вследствие разрыва живых семантических связей;

5. СГ является потенциально развивающейся незамкнутой системой, способной к дальнейшему расширению;

6. СГ как единица словаря обладает планом содержания (совокупность значений всех слов гнезда) и планом выражения (совокупностью алломорфов корня и распространителей корня, организованных аффиксальными структурами производных);

7. родственные слова объединяются в одно СГ на базе семантической общности, проявляющейся в наличии у них общих «стержневых» лексических значений (лексико-смысловых вариантов, сем), материальным выражением которых является корень;

8. производные слова в гнездах группируются на основе стержневых значений, в качестве которых могут выступать не только номинативные, но и переносные значения производных; если исходное слово многозначно, то производные могут группироваться вокруг разных его значений, образуя подгнезда;

9. каждый член СГ обладает деривационной структурой, которая фиксирует его положение в кругу однокоренных образований;

10. в одном СГ могут быть представлены стилистически разнородные пласты лексики.

Основной, характеризующий признак лексики русского языка — это ее высокая гнездо-

вая организованность: по данным А.Н. Тихонова [Тихонов 1987: 111], гнездовая лексика русского языка составляет 96 % от ее общего количества. Причем, негнездовая лексика отражает в основном пассивную часть словарного состава. Эта особенность лексической системы русского языка делает необходимым для всестороннего ее описания уяснение связей и семантических отношений внутри лексических гнезд. Вместе с тем следует учитывать, что главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка играют семантические перемены в кругу уже известных слов, которые нередко настолько радикальны, что слово подчас начинает новую жизнь, существенно видоизменяя свой смысловый объем. Такое явление, как распад ЛГ в истории языка, когда слова с одним корнем настолько расходятся по своим значениям, что уже перестают восприниматься как родственные образования, можно объяснить только на основе изучения семантических изменений и в связи с ними.

3. Дезтимологизация как процесс разрыва связей между однокоренными образованиями. Словообразовательные и корневые гнезда

В синхронном языкознании стало уже традицией любые объединения однокоренных слов относить к СГ, между тем не все однокоренные слова составляют СГ. Нельзя не признать правомерным предлагаемое А.Н. Тихоновым [Тихонов 1978: 270] разграничение словообразовательных и **корневых гнезд (КГ)**, которые имеют существенные отличия и занимают различное положение в системе словообразования: словообразовательные гнезда выявляются на словообразовательном уровне, а корневые — на морфемном.

Корневое гнездо определяется нами как общность однокоренных слов, состоящая из двух и более СГ, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определенную семантическую близость, но утратившие на данном (синхронном) уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса дезтимологизации. См., например, словообразовательные гнезда с вершинами *внять, занять, изъять, обнять, объять, отнять, перенять, принять, приятель, приятный, снять* и др., образующие в современном русском языке КГ, организованное вокруг связанного корня *-Я-* // *-НЯ-*, формирование которого с большой долей достоверности можно отнести к началу XIX в., когда толковые словари русского языка перестали фиксировать глагол *яти* // *ять* «брать, взять» в качестве активного и широко употребительного. Таким образом, в результате выхода этого глагола из литературного употребления (в диалектах русского языка он употребляется до сих пор) одно

СГ с вершиной *яти // ять* распалось на несколько самостоятельных СГ, исходными словами которых явились его префиксальные производные. Другими словами, в результате деэтимологизации глагола *яти // ять* «брать, взять» в современном русском языке образовалось корневое гнездо, составляющие которого еще сохраняют как внешнюю (в структуре корня: *в-нять, за-нять, изъ-ять, об-нять, объ-ять*), так и внутреннюю (в центральных семах — «приобщение объекта») общность.

Явлению деэтимологизации в русском языке посвящены работы Л.А. Булаховского [Булаховский 1978 а), 1978 б)] и Т.Г. Аркадьевой [Аркадьева 1973, 1990], в которых рассматриваются условия и признаки разрыва этимологических связей слов, формирования категории этимонов (т.е. слов, переживших деэтимологизацию), анализируются семантические, словообразовательные и структурные характеристики этимонов, выявляются предпосылки вторичных словообразовательных и лексико-семантических микросистем.

«Одно слово, т.е. некоторый звуковой комплекс и социально принадлежащие ему значения как продукт психологической обработки ряда смысловых элементов, ставших единым целым, — пишет Л.А. Булаховский, — **деэтимологизируется**, т.е. перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного гнезда, становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [Булаховский 1978 а): 345]. Отсюда следует, что деэтимологизация есть результат процесса утраты первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри **этимологического гнезда (ЭГ)**. Для деэтимологизации характерно и существенно то, что она является следствием исторических изменений в слове, результаты же ее представлены в современном языке.

Определение сущности деэтимологизации строится с ориентацией на те отношения между словами, которые складываются с разрушением деривационных связей, когда мотивированность, создаваемая отношением производного к производящей основе и аффиксам, утрачивается, и, таким образом, распадается одна из осей семантики слова — глубинная структура его лексического значения¹. В этом

случае исторически производные слова воспринимаются как немотивированные, идиоматичные и оказываются в пределах разделения, не соответствующего тому, к которому их следует отнести в диахроническом аспекте (см., например, деэтимологизированные пары слов: *белье* — *белый*, *богатый* — *бог*, *брак* «супружеские отношения» — *брат*, *ватрушка* — *творог*, *вести* — *ведать*, *ветчина* — *ветхий*, *вилы* — *вить*, *внушить* — *уши*, *вчера* — *вечер*, *голубой* — *голубь*, *горе* — *гореть*, *город* — *огород*, *грабить* — *грести*, *гроб* — *грести*, *дарить* — *давать*, *изящный* — *изъять*, *коричневый* — *кора*, *мешок* — *мех*, *морочить* — *мрак*, *окно* — *око*, *печаль* — *печь*, *пиво* — *пить*, *прах* — *порох*, *свет* — *свеча*, *смородина* — *сморд* и др.). В результате деэтимологизации становится возможным образование новой микросистемы, в которой деэтимологизированное слово выступает начальным членом словообразовательного ряда.

Итак, КГ возникает в результате выхода исходного слова СГ из активного употребления. Это приводит к тому, что слова первой ступени словообразования остаются без производящего, которое является общим для всего ряда производных данной ступени. Вследствие этого каждое производное слово первой ступени само становится исходным словом самостоятельного СГ. Так на базе одного гнезда в результате его распада возникает столько словообразовательных гнезд, сколько было в нем производных на первой ступени словообразования.

Л.А. Булаховский [Булаховский 1978 б)] описывает следующие явления, оказывающие влияние на распад этимологических групп: материальные сдвиги в значениях (*голубь* — *голубой*, *белье* — *белый*, *смородина* — *сморд*, *брак* — *брат*), особенности природы наименования представлений (*город* — *огород*, *дарить* — *давать*), утрата обстоятельств называния (*ветчина* — *ветхий*, *мешок* — *мех*, *пиво* — *пить*), расхождения стилистических сфер употребления соответствующих слов (*горожанин* — *гражданин*), некоторые условия структурного порядка (например, стойкая префиксальность, сложение), влияние унаследованных фонетических чередований гласных и альтернатив согласных (*свет* — *свеча*). Одним словом, условия для деэтимологизации создаются фонетическими, словообразовательными и семантическими изменениями, отраженными в истории слов.

Наиболее важными, на наш взгляд, факторами, способствующими деэтимологизации, являются семантические сдвиги в кругу однокоренных слов или в структуре значения полисемантического слова. В связи с этим П.Я. Черных [Черных 1956] указывает на две возможности в

¹ О.Н. Трубочев так определяет глубинную структуру лексического значения слова: «Глубинная структура — понятие, если не совпадающее полностью с исторической, этимологической структурой, то во всяком случае во многом близкое, как своеобразная память, способность к воспроизведению древних, исторических особенностей употребления слова, его фонемного

и морфемного состава на поздних, в том числе — современных стадиях функционирования этого слова» [Трубочев 1976: 163].

области семантических изменений: 1) случаи, когда новое значение становится обычным, основным, при сохранении старого основного значения и, таким образом, вместо одного слова получают два омонимичных, например: *месяц*¹ «луна» и *месяц*² «отрезок времени в 30 дней», тогда как в древнерусском языке слово *мѣсяць* имело только одно значение «луна»; 2) случаи несохранения первоначального значения слова, на которое указывает корень слова или однокоренные слова, например: глагол *иметь* «обладать чем-либо» восходит к древнерусскому *имѣти* < * ѣти- «брать, взять», ср. *имение* «земельное владение помещика» и устаревшее значение «имущество, собственность», т.е. «то, что взято, приобретено».

Ю.С. Сорокин [Сорокин 1965] выделяет еще два противоположных направления в общем ходе семантических изменений: с одной стороны, это — тенденция к «терминологизации» слова, к специализации и в известном смысле сужению его значения (например, это проявляется в постепенной специализации значений однокоренных исконно русских и заимствованных из старославянского языка слов: *порох* — *прах*, *горожанин* — *гражданин*, *один* — *единица*); с другой стороны, это — тенденция к появлению новых дополнительных и фразеологически зависимых осмыслений при известных номинативных значениях слов, тенденция к расширению значения слова и к появлению у него новых фразеологических связей (что можно наблюдать на примере упомянутого выше глагола *иметь*, который в современном русском языке значительно расширил сферу своего семантического наполнения в сторону большей абстрагированности значения: от «иметь то, что взято, приобретено (о конкретных предметах)» к «иметь, обладать» в широком смысле — *иметь детей*, *иметь мужа или жену*, *иметь помощника*, *иметь работу*, *иметь какое-либо образование*, *иметь способности или талант*, *иметь значение*, *иметь представление о чем-либо*, *иметь авторитет*, *иметь право*, *иметь какую-либо возможность*). Здесь можно заметить несколько различных по своим результатам типов изменений. В одних — новое осмысление, как бы наслаивающееся на исходное значение слова и переносящее его в другой план отношений, продолжает в дальнейшем существовать на фоне основного значения, а явление переноса, признаки образно-метафорического употребления слова остаются налицо, как например в развитии семантики глагола *понять*: древнерусское *поняти* «взять, получить в свое распоряжение» → «взять на себя выполнение какого-либо предприятия, справиться с чем-либо»

→ современное русское «постигнуть, осознать смысл, сущность, значение чего-либо», «уметь разобраться в чем-либо». Такие случаи количественно преобладают. В других — сдвиг в осмыслении и новое «фразеологически сдвинутое» (термин Ю.С. Сорокина) употребление слова приводит к превращению вторичного значения слова в его основное, свободное значение, например: древнерусское *възимати* «брать рукой, принимать в руки» в XIV-XVI вв. вследствие употребления в составе фразеологического сочетания *възимати дань* развивает семантику «получать дань, взыскивать», которая в современном русском языке закрепляется за этим словом в качестве основного, свободного значения, ср. *взимать налоги*, *взимать штрафы*.

Приведенные примеры приводят нас к мысли о том, что наиболее полное представление о семантике корня, выступающего в качестве производящей основы ряда производных слов, способен дать семантический анализ, охватывающий все родственные образования с одним и тем же корнем, так как и распад СГ в целом, и выпадение из его состава отдельных членов вызывают преобразования в словообразовательной и семантической структуре всего лексического гнезда, способствуют формированию новых внутрисконструктурных отношений. Таким образом, деэтимологизация является свидетельством того, что экстралингвистические и особенно языковые импульсы влияют на лексическую единицу не прямо, а через сеть отношений, в которые она вступает, благодаря своим формальным и семантическим свойствам.

Есть достаточные основания предполагать, что сама постановка и рассмотрение вопроса деэтимологизации — доказательство теснейшей связи диахронического и синхронического аспектов в изучении лексических гнезд. В результате деэтимологизации гнезда, объединявшие лексические единицы на основе словообразовательных связей, претерпевают изменения, которые приводят, с одной стороны, к полному распаду СГ и превращению его в корневое или, с другой стороны, к выпадению из состава СГ отдельных членов, продолжающих в дальнейшем самостоятельное развитие или отходящих в пассивный словарный запас языка.

4. Лексическое гнездо как объект диахронического рассмотрения лексической системы. Этимологическое гнездо

Итак, в СГ тесно переплетены и постоянно взаимодействуют разноуровневые явления, в результате которых происходят в них важные для их судеб семантические и структурные преобразования, способные привести к их расщеплению и разрушению. Изучение лингвистических

и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, функционирование, развитие и распад лексических гнезд — важная задача диахронической дериватологии, признающей наиболее результативными и обнадеживающими исследования лексических гнезд на всем протяжении истории данного языка. Такой подход позволит выявить особенности формирования и функционирования ЛГ, условия разрыва словообразовательных связей и превращения СГ в **этимологическое** (ЭГ), специфику взаимоотношений между словами в пределах гнезда, установить статику и динамику в изучаемых гнездах и благодаря этому перспективу движения исследуемых фактов к современному состоянию.

Диахроническое изучение лексических гнезд только начинается, хотя существует ряд работ по историческому описанию лексического материала, объединенного общностью корня. Среди них можно выделить исследования Ж.Ж. Варбот [Варбот 1984, 1986, 1993], в которых впервые в отечественной лингвистике разрабатываются теоретические проблемы реконструкции состава этимологических гнезд на материале русского и славянских языков.

В трактовке современных этимологов ЭГ включает все генетически связанные слова, независимо от степени прозрачности этих связей на современном уровне. Следовательно, ЭГ — это иерархически организованная по принципу СГ группа слов родственных языков (в широком понимании) или одного языка (в узком понимании), включающая все когда-либо существовавшие на протяжении истории данных языков (или данного языка) рефлексы определенного реконструированного для праязыка-основы корня, по отношению к которым возможно предположение о генетической общности. Иначе говоря, слова, утратившие смысловую общность, образуют разные СГ на определенном уровне развития языка и входят в одно ЭГ. Реконструкция ЭГ, таким образом, всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т.п.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов.

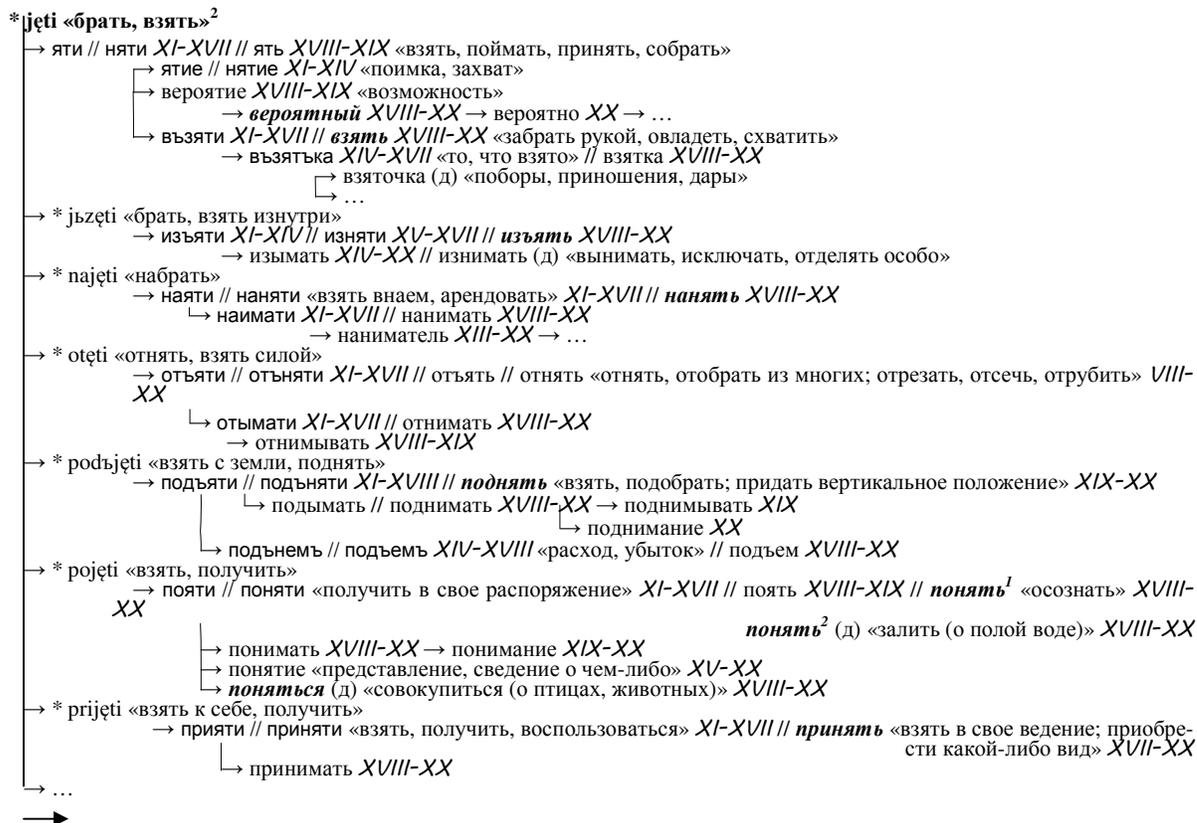
Наблюдения за развитием лексических гнезд *em- и *ber- «брать, взять» в истории русского языка [Пятаева 1995, 1997] позволили восстановить этимологические гнезда с этими общеславянскими корнями. В качестве примера приведем небольшой фрагмент ЭГ *em-, построенного в виде диахронического

словообразовательного словаря (см. на следующей странице). **Диахронический словообразовательный словарь** представляет собой ЭГ, построенное с соблюдением следующих принципов: 1) вершина гнезда — реконструированный для праславянского уровня языка этимон; 2) на первой ступени деривации производные расположены в следующем порядке: глаголы, образованные суффиксальным способом, отглагольные существительные, отглагольные прилагательные, причастия, префиксальные глаголы, сложные слова; внутри указанных групп слова расположены по алфавиту; 3) знаком // (двойной слеш) отделены фонетические и графические варианты лексемы; 4) рядом со словом дается цифровое обозначение времени его первой и последней фиксации в исторических словарях русского языка; 5) диалектная лексика помечена с пометой «д»; 6) выделенные жирным курсивом лексемы образуют самостоятельные (деэтимологизированные) СГ в русском языке XVIII–XX вв.; 7) под звездочкой в латинской аллитерации даются лексемы, реконструированные для праславянского уровня состояния языка сравнительно-историческим методом; 8) на месте многоточия пропущены некоторые звенья в структуре СГ.

Следует иметь в виду, что анализ ЭГ в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей слов, очень актуален также с точки зрения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих СГ в этимологическое. Причины этих разрывов и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же СГ очень многообразны. Многими учеными [Булаховский 1978; Варбот 1967; Мельничук 1969; Топоров 1986] было отмечено, что при распаде единого СГ на несколько обособившихся групп слов вследствие процесса деэтимологизации (т.е. фонетического распада и/или семантических изменений) этот разрыв почти никогда не бывает полным — бывшее единство не исчезает бесследно. О наличии бывших словообразовательных связей с некоторого времени самостоятельных групп слов свидетельствуют производные образования, внешняя форма которых повторяет фонетический облик одной группы, а значение «заимствует» у другой отделившейся группы слов. Подобные образования хронологически предшествуют разобщению этимологически связанных лексических групп. Это еще раз приводит к заключению о необходимости динамического исследования семантики всего массива генетически близкой лексики, составляющей ЭГ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Индоевропейский корень *em- → праславянский глагол *jēti

Комплекс упражнений и заданий для старших школьников на основе работы со словообразовательными гнездами слов

Даны три словообразовательных гнезда: СГ древнерусского языка с вершиной **ЯТИ** в значении «братъ, взять» и два СГ современного русского литературного языка с вершинами **ВЗЯТЬ** и **ЗАНЯТЬ** «заполнить собой, расположиться; заинтересовать».

Др.рус. ЯТИ (ся)	→ ятие	
	→ ятьство	
	→ ятьникъ	
	→ ятьць	
	→ вероятельный	
	→ възяти (ся)	→ взятие
		→ взятка
		→ взяча
	→ вняти (ся)	→ внятие
		→ внятельные
		→ внятные → внятно
	→ зяяти	
	→ наняти (ся)	
→ наяти (ся)		
→ пояти (ся)	→ понятия	
→ пряти (ся)	→ приятель → приятельство	
	→ прятие	
	→ приятникъ	
	→ приятъный	
→ съняти (ся)		

Совр.рус. ВЗЯТЬ	→ взяться	
	→ взятие	
	→ взятюк	
	→ взятка	→ взяточник
		→ взятчица
		→ взятчиество
		→ взятчицкий
		→ взятчиичать
	→ взяткодатель → взяткодательство	

Совр.рус. ЗАНЯТЬ	→ заняться	→ заниматься	→ отзаниматься
			→ перезаниматься
			→ позаниматься
			→ прозаниматься
		→ позаняться	
		→ подзаняться	
	→ занять	→ занятие	
		→ занимающий	
		→ занимательный	→ занимательно
			→ занимательность
			→ незанимательный
			→ презанимательный
		→ перезанять	
		→ позанять	
	→ занятие	→ занятыце	
		→ политзанятие	
	→ заимка	→ заимочный	
→ занятый	→ занятость → незанятость		
	→ незанятый		
→ занятой			
→ занятный	→ занятно		
	→ занятность		
	→ презанятный → презанятно		
	→ малозанятный		
→ перезанять			
→ позанять			

² Вследствие того, что в процессе реконструкции словарного состава языка наиболее сложную проблему представляет реконструкция значений слов, можно лишь предположительно указать основной семантический признак в структуре значения праславянского слова.

Внимательно изучите состав данных словообразовательных гнезд и выполните следующие задания.

1. Сопоставив словообразовательные гнезда современного русского языка с древнерусским словообразовательным гнездом, объясните происхождение слов **взять** и **занять** (от какого слова в древнерусском языке образовались эти глаголы и с помощью каких морфем?).
2. Объясните значения современных слов **взять** и **занять** через значение древнерусского глагола **яти**, т.е. восстановите семантическую модель развития значения слова.
3. Какие еще слова современного русского литературного языка образовались от древнерусского глагола **яти**? Восстановите словообразовательные пары с этими словами (от непроизводного слова к производному) и определите способы словообразования производных слов.
4. Как вы думаете, почему в современном русском литературном языке некогда производные глаголы **взять** и **занять** сами стали вершинами самостоятельных СГ и воспринимаются как непроизводные? Выполните морфемный анализ этих глаголов с двух точек зрения: современной и исторической.
5. Сравните состав древнерусского СГ (**яти**) с составом выделившихся из него современных словообразовательных гнезд (**взять** и **занять**). Какие слова появились в этих гнездах в современном русском языке? Чем обусловлено появление новых слов в языке?
6. Найдите в современных словообразовательных гнездах слова, образованные приставочным и суффиксальными способами словообразования, сложные слова. Оформите свои ответы по образцу выполнения словообразовательного анализа слова. Какой способ словообразования встречается чаще?
7. Выберите из данных СГ слова со следующими орфограммами: 1) правописание приставок, не изменяющихся на письме; 2) правописание мягкого знака в глагольных формах; 3) правописание приставок ПРЕ- и ПРИ-; 4) правописание слов с НЕ; 5) правописание соединительных гласных в сложных словах. Обозначьте указанные орфограммы в выписанных вами словах.
8. С помощью однокоренных слов и значений вершин СГ объясните значения слов из данных СГ: **взятки**, **взятка**, **занимательный**, **заимка**, **занятость**, **занятой**, **занятый**. Проверьте себя по толковому словарю.
9. Найдите среди слов данных СГ стилистически высокие (книжные) слова и канцеляризмы. Расскажите о сферах их употребления.
10. Составьте по образцу данных СГ словообразовательные гнезда с вершинами **нанять**, **снять**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркадьева Т.Г. 1973 – Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке: АКД. Л., 1973.

Аркадьева Т.Г. 1990 – Преобразования этимологических связей слов в системной организации русского языка: АДД. Л., 1990.

Булаховский Л.А. 1978 а) – Деэтимологизация в русском языке // Избранные труды. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1978.

Булаховский Л.А. 1978 б) – Типы деэтимологизации в русском языке // Избранные труды. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1978.

Варбот Ж.Ж. 1967 – О словообразовательной структуре этимологических гнезд // ВЯ. 1967. № 4.

Варбот Ж.Ж. 1984 – Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984.

Варбот Ж.Ж. 1986 – О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986.

Варбот Ж.Ж. 1993 – История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993.

Виноградов В.В. 1977 – Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Гинзбург Е.Л. 1973 – Исследования структуры словообразовательного гнезда // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973.

Кубрякова Е.С., Соболева П.А. 1979 – О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. 1986 – Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Мельничук А.С. 1969 – Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология. 1967. М.: Наука, 1969.

Пятаева Н.В. 1995 – История синонимичных этимологических гнезд * ем- и * бер- «брать, взять» в русском языке: АКД. Уфа, 1995.

Пятаева Н.В. 1997 – Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд * ем- и * бер- «брать, взять» в истории русского языка // Этимология. 1994-1996. М.: Наука, 1997.

РГ 1982 – Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982.

Сорокин Ю.С. 1965 – Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX в. М.: Наука, 1965.

Тихонов А.Н. 1978 – Словообразовательные и корневые гнезда слов // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978.

Тихонов А.Н. 1985 – Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М.: Русский язык, 1985.

Тихонов А.Н. 1987 – Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987.

Тихонов А.Н. 1996 а) – Морфемно-орфографический словарь русского языка. Русская морфемика. М.: Школа – Пресс, 1996.

Тихонов А.Н. 1996 б) – Школьный словообразовательный словарь русского языка. М.: Культура и традиции, 1996.

Тихоновы 1995 – Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. М.: Словари, 1995.

Топоров В.Н. 1986 – О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986.

Трубачев О.Н. 1976 – Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.

Трубачев О.Н. 1980 – Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980. № 3.

Черных П.Я. 1956 – Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Наука, 1956.

RDD 1970 – Russian Derivational Dictionary by Dean S. Worth, Andrew S. Kozak, Donald B. Johnson. American Elsevier Publishing Company, Inc. New York, 1970.